

У ИСТОКОВ СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Победа революции в России, за которой последовало образование Советского государства, завершение Первой мировой войны привели к перезагрузке всей системы международных отношений. Наибольшее количество вопросов в этом процессе вызывало отношение к Советской России. Установление советской власти привело к тому, что страна оказалась в международной изоляции. В то же время в капиталистических странах возник широкий фронт пролетарской поддержки Советского государства. Победа большевиков в Гражданской войне в России к 1921 г. и спад накала революционного движения в странах Запада практически к этому же времени привели к своеобразному равновесию сил между Советским государством и капиталистическим миром, которое и являлось определяющим элементом в характере международной обстановки начала двадцатых годов прошлого века. И хотя это равновесие было крайне неустойчивым и непрочным, В. И. Ленин, глава правительства РСФСР, считал возможным выразить надежду на то, что наступила не просто передышка, а новая полоса в отношениях между социалистическим государством и капиталистическим миром. «... Мы, – писал он, – отвоевали себе условия, при которых можем существовать рядом с капиталистическими державами...» [1, с. 384].

В капиталистических странах популярность приобретает теория применения экономических методов для трансформации советского общественно-политического строя. Еще в январе 1920 г. Совет Антанты в Париже по инициативе британского премьер-министра Д. Ллойд Джорджа официально отменил блокаду России и отметил, что было бы желательно завязать торговлю «с русскими кооперативными организациями». А 10 февраля, при открытии сессии парламента, Ллойд Джордж лично высказался за расширение торговли с Россией. Именно в это время им было сказано: «Мы ошиблись, пытаясь восстановить Россию вооруженной силой. Я думаю, что можем сделать это с помощью торговли» [2, с. 317–318; 3, с. 113].

Для Советской России налаживание торговли с капиталистическими странами означало прорыв экономической блокады и, в определенной мере, выход из состояния внешнеполитической изоляции, а значит, обеспечение самого существования государства как социалистической республики. По существу внешнеполитические связи страны находились на этапе своего становления. К 1921 г. дипломатические отношения России ограничивались на Востоке Афганистаном и Турцией, а в Европе – четырьмя государствами, которые возникли на руинах бывшей Российской империи, – Эстонией, Литвой, Латвией и Финляндией. Весь внешнеторговый оборот укладывался в 100 млн руб., что составляло немногим более 3 % внешней торговли России в 1913 г. [3, с. 113].

Положение в народном хозяйстве было катастрофическим. Абсолютная разруха была явлением повсеместным. А поэтому в условиях, когда сломить советскую власть военной силой не удалось, какие бы планы экономического давления на Россию не рассматривались в Лондоне и других столицах западных стран, приоритетом внешнеполитических усилий советской власти было превратить достигнутую мирную передышку в длительный мир. «Сейчас, – писал В. И. Ленин – ... необходимо устроиться так, чтобы в капиталистическом окружении существовать» [4, с. 288].

Первой среди западных стран, которая стала на путь налаживания отношений с Советской Россией, была Великобритания. В мае 1920 г. в Лондон для ведения торговых переговоров прибыла советская делегация, возглавляемая Л. Б. Красиным. 31 мая состоялась ее первая встреча с английскими министрами [2, с. 324]. Британский премьер-министр Д. Ллойд Джордж стремился на этих переговорах решить ряд весьма амбициозных как политических, так и экономических задач: добиться отказа Советской России от поддержки освободительного движения в странах Ближнего и Среднего Востока, признания долгов царского и временного правительств, пересмотра законодательства, касающегося национализации промышленности, внешней торговли и концессий. По образному выражению наркома иностранных дел Г. В. Чичерина, Англия хотела «выкачать от нас все, что мы можем дать, захватить в свои руки весь механизм экономического общения с нами» [5, с. 645].

Выработка условий торгового соглашения затянулась почти на год. Его удалось подписать только 16 марта 1921 года. Однако значение произошедшего стоило такой длительной борьбы. Соглашение положило начало признанию де-факто Советской России капиталистическими державами. Оно выходило далеко за рамки многих документов подобного рода, так как не только восстанавливало торговые отношения, но и предусматривало обмен официальными представителями, которые наделялись правами дипломатических агентов [6, с. 667–614].

Подписание Англией торгового соглашения с Советской Россией являлось сокрушительным ударом по политике экономической изоляции большевистского режима. И этот шаг со стороны Великобритании отнюдь не являлся актом международной благотворительности. Экономика царской России была теснейшим образом вплетена в систему международных хозяйственных связей. Первая мировая война эту систему нарушила, но не отменила ее. Для индустриальных государств Европы Россия всегда была территориально расположенным в непосредственной близости практически неисчерпаемым источником разнообразного сырья и, учитывая многочисленное население страны, емким рынком сбыта промышленной продукции.

Начавшийся после окончания мировой войны процесс восстановления экономики и перевод ее на мирные рельсы потребовал возобновления связей с Россией. Первой это сделала Великобритания как страна в наибольшей

степени зависимость от состояния международных экономических отношений. Но ее действия были и примером для других. Особенно ревностно за торговыми переговорами в Лондоне следили в Берлине.

Первые действия Германии в направлении сближения с Советской Россией были сделаны на неофициальном уровне. Их вдохновителем и наиболее активным сторонником с немецкой стороны был главнокомандующий сухопутными войсками рейхсвера генерал-полковник Х. фон Сект. Еще в августе 1920 г. он установил тайные контакты с Председателем Реввоенсовета РСФСР Л. Д. Троцким. Сотрудничество было настолько секретным, что о нем знал только канцлер К. Вирт. Члены кабинета были об этом проинформированы только после заключения Рапалльского договора [7, с. 5].

Переговоры велись при посредстве руководителя советской миссии по делам военнопленных в Германии, одновременно являвшегося и неофициальным представителем Советского государства в Берлине, В. Л. Коппа. Секретные двусторонние переговоры проходили как в Берлине, так и в Москве в течение 1920–1923 годов. В процессе переговоров была выработана концепция двустороннего советско-германского военного сотрудничества. 2 декабря 1920 г., например, В. Л. Копп сообщил наркому иностранных дел Г. В. Чичерину, что в одной из бесед Х. фон Сект заявил о желательности «установить более тесный контакт между германским генштабом и нашими военными властями». При этом Сект настаивал на том, чтобы немецкие военные специалисты приняли участие в создании советской военной промышленности, которую впоследствии можно было бы использовать в качестве «источника вооружения для разоруженной Германии при столкновении ее с Антантой». Генерал Сект выразил готовность оказать содействие в закупках советскими представителями оружия и военных материалов в Германии [7, с. 5–6].

В начале 1921 г. в военном министерстве Германии была образована для связей с руководством Красной армии специальная структура «Зондеркоманда Р». В России ее называли Вогру – военная группа. По ее инициативе были созданы две смешанные торгово-транспортные фирмы для обслуживания прежде всего поставок военного характера. Это «Русско-германское транзитное общество» («Русстранзит», немецкое название «Дерутра»), образованное 10 апреля 1922 г., и «Русско-германское общество воздушных перевозок» («Дерулюфт»). По железной дороге из Кёнигсберга в Россию через Литву и Латвию шли товары, не вызывавшие подозрения таможен. Воздушным путем осуществлялись поставки наиболее ценных грузов. Самолеты, предназначенные для учебных целей, и модели для испытаний совершали беспосадочные перелеты на большой высоте. «Дерулюфт» также одним из первых в мире стал осуществлять регулярные воздушные перевозки в Россию на коммерческой основе. Они начались с 30 апреля 1922 года. Базовый аэродром находился в Кёнигсберге. Авиалиния Кёнигсберг–Москва была первой регулярной международной авиалинией в России еще до создания отечественной гражданской авиации [8, с. 43].

Сотрудничество с Германией в военно-промышленной сфере дало возможность Политбюро ЦК РКП(б) принять план восстановления военной промышленности и ее мирных отраслей при помощи деловых кругов Германии. Упомянув об этом, Г. В. Чичерин в своей записке, направленной в ЦК РКП(б) 10 июля 1921 г., отмечал, что немецкая сторона больше всего интересуется военной стороной проблемы [7, с. 6].

Секретные советско-германские консультации проходили на фоне активных усилий РСФСР и Великобритании о нормализации двусторонних отношений и заключении торгового договора. При этом следует иметь в виду, что переговоры, которые вел Л. Б. Красин, вызывали серьезную тревогу в Германии. Немецкие промышленники опасались, что могут быть вытеснены с русского рынка. В этих условиях происходит оживление активности и в политических, и в торгово-промышленных структурах Германии. Депутаты рейхстага поднимают вопросы о возобновлении дипломатических и торгово-экономических связей с Советским государством. В итоге 12 января 1921 г. общее собрание членов Германо-Русского общества развития торговли с Россией решило направить в Москву специальную делегацию для выяснения возможностей двустороннего сотрудничества [9, с. 114].

Но в правительственных кругах Берлина не было единства по этому вопросу. 19 января 1921 г. независимые социалисты внесли в рейхстаг вопрос о возобновлении дипломатических и торговых отношений с Россией. А 22 января министр иностранных дел В. Симонс при обсуждении этого вопроса в парламенте высказался против подобных шагов Берлина. Он связал это с убийством в Москве 6 июля 1918 г. немецкого посла графа В. Мирбаха, заявив, что дипломатические отношения не могут быть установлены пока советское правительство не даст полного ответа за происшедшее. Но этот аргумент был абсолютно надуманным. Инцидент с немецким послом был разрешен еще в 1918 году. Кайзер Вильгельм II, естественно, был возмущен этой ситуацией и потребовал ввода в Москву для охраны посольства батальона немецких солдат. В ответ В. И. Ленин заявил, что это прямое нарушение суверенитета страны и на это правительство никогда не пойдет. Кайзер, в условиях сложной обстановки на Западном фронте, не стал обострять отношений с РСФСР. В Москву был назначен новый посол – К. Гельферих. Тем самым инцидент представлялся исчерпанным. Особенно если учесть, что в августе 1918 г. кайзеровское правительство навязало Советской России грабительское добавочное соглашение о выплате 6 млрд марок контрибуции [10, с. 12].

Между тем публикация торгового договора с Англией от 16 марта 1921 г. заставила германское правительство активизировать усилия по поиску путей достижения взаимоприемлемых соглашений с Советской Россией. В итоге 6 мая 1921 г. в Берлине было заключено Временное соглашение между РСФСР и Германией. Оно предусматривало создание официальных представительств с консультационными функциями и торговых представительств.

Заключение Временного соглашения означало, по существу, признание Советской республики де-факто. «Представительство РСФСР в Германии признается единственным представительством Российского государства в Германии», говорилось в первой статье документа [11, с. 99]. В нем также подтверждались достигнутые договоренности об обмене военнопленными и интернированными. Соглашение еще не означало признания советского правительства де-юре, однако оно расширяло круг деятельности российских дипломатов в Германии по защите прав соотечественников, регулировало вопросы торговли и судоходства. Особое значение также имело признание неприкосновенности имущества Советского государства на немецкой территории [11, с. 99]. Подписание соглашения способствовало возобновлению торгового обмена между двумя странами, прерванного в годы Первой мировой войны. Факт улучшения отношений с Германией не преминул отметить и В. И. Ленин, выступая на IX Всероссийском съезде Советов, проходившем в Москве в декабре 1921 г. [12, с. 321–322].

Окончание гражданской войны сопряжено было с очередными тяжелыми испытаниями для Советского государства. Летом 1921 г. более 20 млн человек, проживавших в Поволжье, Северном Кавказе и Украине, в результате неурожая оказались охваченными голодом. Западные державы, несмотря на неприятие установившегося в России общественно-политического строя, предложили свою помощь пострадавшему населению. 20 августа 1921 г. соответствующее соглашение было заключено с Американской администрацией помощи – АРА. Неделью спустя аналогичное соглашение было подписано с уполномоченным Женевского комитета Лиги Наций Ф. Нансеном. 30 августа в Париже начала работать Международная комиссия помощи России во главе с Ж. Нулансом. В октябре 1921 г. вопрос был обсужден в Брюсселе на специальной конференции представителей 20 наиболее развитых государств мира [9, с. 115, 117; 13, с. 109].

Лейтмотивом решения Брюссельской конференции было требование признания большевиками ответственности по дореволюционным финансовым обязательствам в ответ на продовольственную помощь. В этой связи 28 октября советское правительство направило ноту правительствам США, Великобритании, Франции, Италии и Японии, в которой выразило готовность вступить в переговоры для обсуждения претензий по государственным займам, но при условии официального признания Советской республики, заключения экономических соглашений и предоставления ей определенных льгот. Документ содержал предложение созвать международную конференцию для урегулирования взаимных претензий и выработки мирного договора [10, с. 22].

Руководители стран Антанты усмотрели в этом удобный случай для согласования подходов к решению важнейших международных проблем. Отношения с Советской Россией были среди них приоритетными. Ситуация в области международных экономических отношений, неурегулированность вопросов мировой политики свидетельствовали о том, что без участия одной

шестой части мира решить весь комплекс послевоенных проблем невозможно. Объективная реальность указывала на необходимость вернуть Россию в круг мирового хозяйства и привлечь ее к участию в его оздоровлении. Вместе с тем бывшие союзники России по Первой мировой войне надеялись использовать переговоры для решения вопроса о российских долгах и возвращения национализированной собственности своих граждан.

Собравшийся 6 января 1922 г. в Каннах Верховный совет Антанты поддержал предложение премьер-министра Великобритании Д. Ллойд Джорджа о проведении весной 1922 г. в Генуе широкой общеевропейской финансово-экономической конференции [9, с. 150–151]. На состоявшейся 25 февраля в Булони встрече руководителей правительств Великобритании и Франции Д. Ллойд Джорджа и Р. Пуанкаре было решено созвать конференцию на 10 апреля [9, с. 150–151, 158].

Позиции капиталистических государств, входивших в состав Антанты, были согласованы в марте 1922 г. на совещании экономических экспертов в Лондоне. Принцип возврата всех долгов, довоенных и военных, а также реституции иностранной собственности оставался неизменным. Это составляло примерно 18,6 млрд золотых рублей [13, с. 115].

Позиция советской делегации была всесторонне рассмотрена на заседании Политбюро ЦК РКП(б) 28 февраля 1922 года. Требования о выплате долгов и реституции отвергались. Советская делегация должна была заявить, что все российские долги покрываются встречными советскими претензиями по возмещению убытков, нанесенных России державами Антанты в период интервенции и экономической блокады. Контрпретензии достигали 39 млрд золотых рублей [13, с. 113]. Эта сумма более чем в два раза превосходила претензии стран Антанты. Вряд ли она основывалась на каких-то финансовых расчетах, сделать которые в то время было нереально. А поэтому сумма была условной, рассчитанной на последующее обсуждение, политический торг с целью поиска приемлемого компромисса.

Время, предшествовавшее конференции, руководители правительств европейских стран активно использовали для укрепления позиций своих стран на предстоящей встрече. Целью России было добиться признания советской власти. Нормализация отношений могла облегчить будущие переговоры о частных кредитах и концессиях с крупными предпринимателями, налаживание торговых связей. В. И. Ленин писал по этому поводу, что большевики идут в Геную «как купцы, потому что нам торговля с капиталистическими странами ... безусловно необходима, и что мы идём туда для того, чтобы наиболее правильно и наиболее выгодно обсудить политически подходящие условия этой торговли, и только» [14, с. 2].

Особые надежды на строительство полноценных политических и экономических отношений в Москве возлагали на Германию. После завершения Первой мировой войны и Гражданской войны в России обе страны, хотя и по разным причинам, оказались в сложной ситуации, близкой к международной изоляции. Достижение советско-германских договоренностей по широкому кругу вопросов означало бы разрыв этого своего рода «порочного круга».

Это понимали и в Берлине, и в Москве. Неслучайно с 15 января по 17 февраля 1922 г. в обеих столицах, а затем в первых числах апреля в Берлине шли переговоры о двусторонних контактах на предстоящей Генуэзской конференции. В апреле конкретных результатов достигнуть не удалось. Поскольку главным вопросом Генуэзской конференции был российский долг своим кредиторам, советская делегация добивалась полного отказа Германии от возмещения убытков; это могло бы послужить прецедентом для переговоров и с другими государствами в Генуе. Но немецкие представители упорствовали. Очевидно, их главной целью было не соглашение с Советской Россией, а поиски путей для договоренности с Англией и Францией по смягчению условий Версальского мирного договора.

Но была и другая сторона проблемы, которая очень волновала немецких дипломатов. Переговоры в Генуе советских представителей с делегациями западных стран, и в первую очередь Англии и Франции, могли завершиться компромиссом, когда Советская Россия сможет получить свою долю германских репараций, а это 16 млрд золотых рублей, т.е. сумма почти эквивалентная основной части российского долга. Таким образом вся послевоенная долговая проблема в Европе решалась бы за счет Германии. И хотя в апреле 1922 г. в Генуе такого компромисса между советской делегацией и делегациями западных стран достигнуто еще не было, руководители немецкой делегации К. Вирт и В. Ратенау, канцлер и министр иностранных дел, сочли целесообразным повторно рассмотреть те предложения, которые были оглашены Г. В. Чичериным в Берлине в начале апреля 1922 года. И 16 апреля 1922 г. в предместье Генуи Рапалло в резиденции германской делегации был подписан договор о нормализации отношений между Советской Россией и Германией [9, с. 180].

Для немецкой стороны подписание этих договоренностей было результатом преодоления многочисленных внутренних разногласий и противоречий, сомнений и колебаний, непоследовательности и двуличия. Одним из серьезных препятствий для немецкой делегации в Генуе была позиция Берлина. Президент страны Ф. Эберт и его однопартийцы социал-демократы придерживались западной ориентации и являлись противниками соглашения с большевиками. Канцлеру К. Вирту, стороннику договора с Советской Россией, предстоял длительный и трудный разговор по телефону с президентом с целью переубедить его в необходимости одобрить соглашение.

В основу Рапалльского договора был положен так называемый «нулевой вариант». Советская сторона предлагала его еще в начале апреля на берлинских переговорах. РСФСР отказывалась от репараций, положенных ей по Версальскому мирному договору в сумме 16 млрд золотых рублей, а Германия – от дореволюционных займов (1 млрд золотых рублей) и своей собственности в России, конфискованной во время войны (300 млн золотых рублей), при условии, что большевики не будут удовлетворять аналогичных претензий других государств [13, с. 117].

Между двумя странами немедленно возобновлялись дипломатические и консульские отношения. Была достигнута договоренность о всестороннем развитии экономических связей на принципах наибольшего благоприятство-

вания. Статья 5 договора допускала также возможность двусторонних связей в военной области [13, с. 117]. Отмечая значение военного сотрудничества с Германией, а оно, как уже говорилось, начало складываться еще до Генуэзской конференции и Рапалльского договора, нарком иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерин уже тогда считал, что это «один из главнейших факторов нашей внешней политики» [7, с. 7].

В Москве рассматривали Рапалльский договор как несомненный дипломатический успех. Советское правительство видело в нем образец регулирования отношений с капиталистическими странами. Он усиливал на международной арене позиции как Советского государства, так и Германии и, что самое важное, не допускал создания в Европе единого антисоветского фронта.

Вместе с тем договор был резко враждебно встречен странами Антанты. Германию обвинили в нарушении отдельных статей Версальского договора. Западная пресса подняла невообразимый шум вокруг Рапалльского договора. Американский посол в Италии Р. Чайльд в частности заметил: «Это потрясет мир! Это сильнейший удар по конференции» (Гаагской конференции, которая должна была решить вопросы выплаты Советской Россией долговых обязательств прежних правительств. – *И. Л., Ю. Л.*) [9, с. 181].

Общественное мнение и политические силы в Германии поддержали Рапалльский договор. Он был единогласно ратифицирован рейхстагом. Сотрудничество с Советским государством становилось главным козырем в руках Берлина в борьбе за смягчение условий Версальского договора.

Соглашением, подписанным в Берлине 5 ноября 1922 г., в сферу действия Рапалльского договора включались и шесть советских республик: Украина, Белоруссия, Грузия, Азербайджан, Армения и Дальневосточная республика. Правительство Германии признавало их де-юре и выражало желание установить дипломатические и консульские отношения. К этому времени Москва и Берлин уже обменялись полномочными представителями – послами, что свидетельствовало о завершении процесса нормализации отношений между двумя странами [10, с. 29]. Интересы РСФСР в Германии представлял видный функционер РКП(б) Н. Н. Крестинский, Германии в Москве – Виденфельд [15, с. 207].

Отмечая успехи советской внешней политики, В. И. Ленин заявил на пленуме Моссовета 20 ноября 1922 г. о постоянно расширяющихся международных связях РСФСР со странами мира. «Мы сейчас добились, – сказал он, – признания своих прав нашими врагами как в экономической, так и в торговой политике. Это доказывает заключение торговых договоров» [14, с. 303].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ленин, В. И.* Полное собрание сочинений: в 55 т. – М. : Изд-во полит. лит., 1969. – Т. 31. – 670 с.
2. *Виноградов, К. Б.* Дэвид Ллойд Джордж / К. Б. Виноградов. – М. : Мысль, 1970. – 412 с.

3. *Айрапетян, М. Э.* Этапы внешней политики СССР / М. Э. Айрапетян, Г. А. Деборин. – М. : Соцэкгиз, 1961. – 536 с.
4. *Ленин, В. И.* Полное собрание сочинений: в 55 т. – М. : Изд-во полит. лит., 1969. – Т. 32. – 605 с.
5. Документы внешней политики СССР. – М. : Политиздат, 1958. – Т. II. – 804 с.
6. Документы внешней политики СССР. – М. : Политиздат, 1959. – Т. III. – 724 с.
7. *Горлов, С. А.* Военное сотрудничество СССР и Германии в 20-е годы / С. А. Горлов // Военно-исторический журнал. – 1991. – № 9. – С. 4–11.
8. *Горлов, С. А.* Военно-учебные центры рейхсвера в Советском Союзе / С. А. Горлов // Военно-исторический журнал. – 1993. – № 6. – С. 39–44.
9. История дипломатии. – М. ; Л. : Политиздат, 1945. – Т. 3. – 833 с.
10. Летопись внешней политики СССР, 1917–1978 гг. – М. : Политиздат, 1978. – 367 с.
11. Документы внешней политики СССР. – М. : Политиздат, 1960. – Т. IV. – 836 с.
12. *Ленин, В. И.* Полное собрание сочинений: в 55 т. – М. : Изд-во полит. лит., 1975. – Т. 45. – 455 с.
13. *Сидоров, А. Ю.* История международных отношений. 1918–1939 / А. Ю. Сидоров, Н. Е. Клейменова. – М. : Центрполиграф, 2008. – 640 с.
14. *Ленин, В. И.* Полное собрание сочинений в 55 т. – М. : Изд-во полит. лит., 1970. – Т. 44. – 725 с.
15. *Соколов, В.* «Я не признаю себя виновным». Полпред СССР в Германии Николай Крестинский / В. Соколов // Архивы раскрывают тайны ...: Междунар. вопросы: события и люди / сост. Н. В. Попов. – М. : Политиздат, 1991. – С. 202–243.